
ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ЭКОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Вебер А. Б.*

Формирование экологического сознания в массах – необходимое условие перехода к устойчивому развитию, то есть таких изменений в развитии общества, которые позволили бы снять чрезмерную антропогенную нагрузку на природную среду (биосферу). Ценностный смысл концепции устойчивого развития – отход от утилитарного отношения к природе, признание ее самоценности, ограниченности земных ресурсов, невозможности безграничного экономического роста, необходимости усвоения этики самоограничения, достаточности и ответственности как руководящих принципов общественного поведения. Ввиду несовпадения вербальных суждений людей с их реальным поведением уместно различение пассивного (большинство) и активного (деятельное меньшинство) экологического сознания. Между странами мира существуют значительные различия в эффективности экологической политики, а достигнутые в целом результаты пока далеки от желаемых целей устойчивого развития.

Ключевые слова: экологические угрозы, экологическое сознание, этика самоограничения, экологическая политика, устойчивое развитие.

The mass formation of ecological consciousness is a necessary premise for the transition to sustainable development, i.e. for such changes in the development of society, which would remove the excessive anthropogenic burden on the biosphere. The value essence of the concept of sustainable development is a retreat from a utilitarian attitude to nature, the recognition of its intrinsic value, of the limited natural resources, and of the impossible boundless growth, of the need for acquiring the ethic of self-restraint, sufficiency and accountability in public behavior. The divergences between people's verbal judgments and their actual behavior allow carrying the distinction between passive (the majority) and active (active minority) ecological consciousness. Among the countries of the world there are strong differences in the effectiveness of environmental policies, and generally, the results are still far from the desired goals of sustainable development.

Keywords: environmental threats, ecological consciousness, ethics of self-restraint, environmental policy, sustainable development.

---

* Вебер Александр Борисович – д. и. н., г. н. с. Института социологии РАН. E-mail: mailbox@polisma.ru.

Мне нет до тебя дела, – говорит природа человеку, – я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть.

И. С. Тургенев

Переход к устойчивому развитию... должен начинаться с пересмотра ценностей и целей развития и соответствующего пересмотра приоритетов.

К. Лосев

В ноябре 2015 г. ООН опубликовала доклад «Людские потери в результате стихийных бедствий, связанных с погодой». За последние двадцать лет, говорится в докладе, около 90 % крупных катастроф в мире были связаны с погодными явлениями – наводнениями, штормами, тепловыми волнами, засухами и т. п. За два десятилетия в мире зарегистрировано 6457 таких природных бедствий, с 1995 г. в них погибло 606 тыс. человек; 4,1 млрд человек пострадали, то есть получили ранения, лишились жилья или оказались в категории лиц, нуждающихся в помощи. Материальный ущерб, с учетом землетрясений и цунами, эксперты ООН оценивают в 250–300 млрд долларов в год (а это 5–6 трлн долларов за два десятилетия) [Центр... 2015; Доклад... 2007: 75–88; Порфирьев, Макарова 2014].

По оценке экспертов, 3,5 млрд людей, то есть половина мирового населения, живет на территориях, где уровень загрязнения атмосферы (unsafe air quality) превышает порог безопасности для здоровья и жизни людей. Треть из них (1,3 млрд) – в странах Восточной Азии и Тихоокеанского региона, причем в Китае и Южной Корее более 50 % населения подвержено опасному уровню загрязнения атмосферы, а в Индии и Непале – до 75 %. В 2013 г. 10 % смертности в мире (–5,5 млн человек) было вызвано загрязнением атмосферы. И этот печальный показатель вырос по сравнению с 1990 г. Смертность от загрязнения воды (unsafe water) удалось снизить к тому времени до 2 % (–1,2 млн человек) [Hsu *et al.* 2016: 27].

Многолетние исследования Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) привели к другому тревожному выводу: если эмиссию парниковых газов не сократить, то к концу столетия приземная температура по сравнению с доиндустриальной эпохой может повыситься на 3,7–4,8 °С или более, что грозит человечеству еще большими бедствиями – более частыми природными катаклизмами, сокращением производства продовольствия и новым распространением массового голода, обострением конфликтов за доступ к ресурсам. Серьезными последствиями для климата грозит сокращение площади лесов: ежегодно на планете утрачивается до 15 млрд деревьев – около 0,5 % всей массы.

Замечено, что частота геофизических катастроф остается практически неизменной, тогда как гидрометеорологические стихийные катаклизмы случаются все чаще. Непосредственные их источники могут быть разными, но главная причина общая – нарушение устойчивости биосферы вследствие хозяйственной деятельности человека. *Homo sapiens* как биологический вид может существовать лишь в определенных физических параметрах с точки зрения температурного режима, состава и состояния атмосферы, наличия пресной воды и т. п. На протяжении тысячелетий устойчивость биосферы в благоприятных для жизни людей условиях поддерживалась посредством биотической регуляции – процесса замкнутого кру-

говорота биогенов, совершаемого биотой планеты. Но вследствие промышленной революции и процессов индустриализации потребление человечеством биоты на определенном этапе превысило допустимый порог. Антропогенное воздействие на природную среду вышло за пределы хозяйственной (несущей) емкости биосферы, что привело к нарушению естественных экосистем – повышению концентрации парниковых газов в атмосфере, загрязнению водных объектов, деградации почв, сведению лесов, опустыниванию, сокращению биоразнообразия и т. п.¹

Понимание угрозы пришло не сразу, а широкой публикой она и сейчас не вполне осознана. Природные бедствия люди воспринимают тяжелее всего, когда пострадали от них сами, непосредственно, то есть на *локальном* уровне. Конечно, крупные природные катастрофы в тех или иных странах вызывают эмоциональную реакцию сопереживания, но для большинства это все же нечто далекое, не представляющее непосредственной опасности. *Глобальные* экологические угрозы не воспринимаются так остро, как локальные, поскольку возникают вследствие процессов, протяженных во времени, превышающем срок жизни человека; их губительные последствия часто неочевидны или незаметны в обыденной жизни. О масштабах преждевременной смертности от загрязнений известно ВОЗ, но не существует такого медицинского диагноза. Точно так же повышение приземной температуры на 1 °С за столетие – цифра, кажущаяся столь малой, что сама по себе она не задает массового сознания. А грозные последствия глобального потепления до конца столетия – это нечто слишком далекое, чтобы задумываться об этом здесь и сейчас.

* * *

В последней трети XX в. для исследователей стало очевидным: антропогенное воздействие на природную среду (складывающееся как производное от численности населения, потребления на душу населения и побочного ущерба от хозяйственной деятельности) нарастает *по экспоненте*. Любые экспоненциальные процессы *предельны*. На каком-то этапе воздействие человека на внешнюю природу достигло масштабов, несовместимых с сохранением биосферного равновесия, поддерживаемого естественным механизмом ее саморегуляции. Человечество оказалось в ситуации, которую образно характеризуют как «синдром динозавра» [Laszlo 1994: 141].

Проблема экологической безопасности выдвинулась на одно из первых мест в мировой повестке дня². Появилась необходимость переосмыслить, переопределить задачи общественного развития. Ответом на вызов стала концепция *устойчивого развития*³, к которой исследователи и передовая общественная мысль пришли в 70–80-х гг. прошлого столетия. Международная комиссия по окружающей среде и развитию (Комиссия Брундтланд) определила экологически устойчивое развитие как такое развитие, которое учитывает потребности настоящего

¹ В разработку этой проблематики фундаментальный вклад внесли российские ученые, заложившие основы современных представлений о состоянии системы «Человек – Природа». Упомянем лишь некоторые работы: Горшков 1995; Данилов-Данильян и др. 1995; Моисеев 1999; Данилов-Данильян, Лосев 2000; Стратегия... 2002.

² Подробнее о понятии «экологическая безопасность» см.: Данилов-Данильян и др. 2001.

³ Принятый у нас за неизменное более точного семантического эквивалента перевод английского термина *sustainable development* как «устойчивое развитие» не вполне адекватен смыслу оригинала: речь идет о допустимом, приемлемом, постоянно поддерживаемом жизнеспособном развитии.

времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [Наше... 1989: 11, 50].

Речь идет о *рамочной* концепции, обобщенно характеризующей совокупность конкретных мер, необходимых для исправления ситуации. Сущность этой концепции – обоснование перехода к такому *развитию общества*, которое позволило бы снизить антропогенную нагрузку на внешнюю природу, то есть не подрывало бы биосферных условий существования человечества. И это *ценностная* концепция, она предполагает основанное на определенных ценностях *целеполагание*, известную степень *сознательного контроля* общественных процессов. Переосмысление понятия «развитие» привело к более четкому различению «роста» как преимущественно *количественных* изменений и «развития» – как изменений *качественных*.

У концепции устойчивого развития оказалась сложная судьба. Получив сначала широкое признание в мире и одобрение ООН, она вскоре стала терять привлекательность в глазах сильных мира сего, увлекшихся в 1990-е гг. рыночной глобализацией. На Западе в принципе устойчивого развития многие усмотрели угрозу достигнутым там высоким потребительским стандартам, в развивающихся странах – препятствие для экономического роста и преодоления бедности. Одобрение концепции не сопровождалось адекватной имплементацией ее в политике.

Более того, формальное признание принципа устойчивого развития сопровождалось выхолащиванием этой идеи, подменой ее понятием «устойчивого роста»⁴. Явное и неявное сопротивление исходило с разных сторон – от политиков, озабоченных текущими задачами дня или ближайшими выборами; от консервативных кругов, убежденных в преимуществах стихийного «свободного рынка», в его способности решить все проблемы; от тех, кто усмотрел в концепции устойчивого развития угрозу свободе личности, скрытую «социалистическую» опасность; от некоторых ученых, превратно трактующих устойчивое развитие как претензию на «управление природой», способную якобы подавить естественное развитие, и уверенных в том, что законы биосферной эволюции сами по себе гарантируют социальный прогресс, и т. п.

Тем не менее обострение кризисных процессов заставляло вновь и вновь говорить о целях развития, особенно в связи с растущим разрывом между богатыми и бедными странами. В Декларации тысячелетия, принятой ООН в 2000 г., главы государств и правительств вновь высказались в поддержку принципа устойчивого развития, а среди ближайших целей, адресованных прежде всего развивающимся странам, наметили к 2015 г. сократить вдвое долю мирового населения, живущего в крайней бедности, и вдвое же – долю людей, страдающих от голода. Первую задачу удалось выполнить, сократилась и доля голодающих, но до ликвидации нищеты и голода еще очень далеко.

Между тем к нерешенным проблемам развития прибавлялись новые. Растущая в мире обеспокоенность складывающейся ситуацией отразилась в итогах Конференции ООН по устойчивому развитию «Рио+20» (июнь 2012 г.), проходившей с участием многих глав государств и правительств. В принятом конференцией пространном программном документе «Будущее, которого мы хотим»,

---

⁴ Устойчивое развитие совместимо с умеренным экономическим ростом (в чем особенно заинтересованы развивающиеся страны) при условии использования имеющихся технологических возможностей радикального сокращения удельных затрат энергии и других ресурсов. См.: Вайцеккер и др. 2000; 2013.

подчеркнута необходимость продвижения идеи устойчивого развития «на всех уровнях», интеграции его экологической, социальной и экономической составляющих и учета их взаимосвязи для достижения целей устойчивого развития на всех его направлениях [Итоговый... 2012].

В своем послании «Путь к достойной жизни: повестка дня на период после 2015 года», обращенном к лидерам стран – членов ООН (декабрь 2014 г.), Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун призвал их четко сформулировать цели устойчивого развития на следующие 15 лет – до 2030 г. Отвечая на этот призыв, главы государств, правительств и другие представители всех государств – членов ООН на саммите в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке в конце сентября 2015 г. одобрили итоговый документ под названием «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В этом новом масштабном плане действий определены 17 целей и 169 задач, решение которых, как предполагается, должно вывести мир на траекторию устойчивого развития, создать условия для более безопасного, более благополучного и более справедливого будущего для всех людей на планете. Таким образом, сделан еще один важный шаг к признанию принципа программируемого, направляемого развития – как ответа на глобальные вызовы современности.

* * *

Программирование необходимо, но программные документы сами по себе ничего не изменят, если принципы устойчивого развития не утвердятся в *массовом сознании*. В обычных условиях люди, как правило, не задумываются над отдаленными последствиями своих действий. Временной и пространственный кругозор большинства ограничен непосредственными нуждами и интересами. Долгосрочные проблемы и цели будущего воспринимаются как что-то слишком далекое или слишком громадное, отношение к ним часто скорее отстраненное или даже фаталистическое – «на наш век хватит», а там...

Угрозы, с которыми сталкивается человечество в наше время, требуют отказа от сложившихся в прошлом и во многом сохраняющихся поныне жизненных привычек людей – утилитарного, потребительского отношения к природе, расточительности в использовании ресурсов. Переход к устойчивому развитию предполагает этическое обновление человечества, формирование новых ценностных установок, *нового, экологического сознания*, включая прежде всего осознание самоценности природы как условия сохранения жизни на Земле, ограниченности доступных для эксплуатации ресурсов, признание невозможности безграничного экономического роста.

Осознание комплекса этих проблем в обществе – долгий и трудный путь, потому что здесь затрагиваются глубинные основы человеческой психики, вековые традиции и привычки, частные интересы – будь то личные, групповые или национальные. В новых условиях на место культивируемой богатыми странами Запада озабоченности непрерывным ростом производства и потребления, в чем-то далеко выходящего за пределы необходимых и разумных жизненных потребностей, должна прийти *этика самоограничения*, этика умеренности, достаточности и ответственности.

В 50–60-е гг. прошлого века в странах Запада на фоне достигнутого к тому времени экономического прогресса, повышения уровня жизни и образованности

большинства населения наметились важные подвижки в ценностных установках многих граждан – растущий запрос на более высокое качество жизни, на нематериальные блага, в том числе на более здоровую окружающую среду. Как показали опросы, проведенные в 80-е гг. в США, Западной Германии, Великобритании, там значительная часть населения стала отдавать предпочтение защите окружающей среды перед экономическим ростом. Большинство готово было согласиться и с тем, что защита природы важнее даже в том случае, если это приведет к повышению цен и замедлению роста. Многие соглашались с идеей «пределов роста»: в США мнения «за» и «против» разделились примерно поровну, немцы готовы были поддержать ее даже в большей мере (78 %), англичане тоже, но в меньшей степени, чем немцы. Во всех трех странах 75 % опрошенных согласились с утверждением «человечество слишком злоупотребляет окружающей средой» [Milbrath 1989: 121–129].

В нулевые годы XXI в. эти настроения получили дальнейшее развитие, причем не только в промышленно развитых, но и в развивающихся странах. Одним из главных побудителей стали все более частые природные катаклизмы, связанные с изменением климата. Общественное мнение прониклось уверенностью, что большинством ученых достигнуто согласие по поводу неотложности проблемы и что знаний об этом уже достаточно, чтобы действовать. Глобальное потепление стали воспринимать как реальную и серьезную проблему или угрозу не только в Европе и США, но и в развивающихся странах, наиболее уязвимых перед лицом стихийных бедствий. Об этом говорило большинство участников опросов в 2006–2010 гг., проводившихся одновременно во многих странах⁵ [Publics...]. В 2010 г. в среднем 84 % респондентов (25 стран) признали глобальное потепление «серьезной проблемой», в том числе 52 % – «очень серьезной». При этом уже в те годы большинство респондентов было уверено, что основной причиной изменения климата стала деятельность человека – промышленность, транспорт и т. д.

Очень многие заявляли о том, что ощущают непосредственно на себе вредные последствия глобального потепления. В 10 странах из 16, где в 2009 г. задавали такой вопрос, большинство респондентов сказали, что уже страдают от изменения климата и его последствий. Больше всего таких ответов было в Кении (88 %), Вьетнаме (86 %), Мексике (83 %). Меньше всего в США (34 %) и России (27 %). В среднем в этих 16 странах 59 % респондентов сказали, что уже испытывают вредные последствия изменения климата, и 17 % – что это скажется в последующие десять лет.

Опросы 2006–2010 гг. показали также, что значительное большинство людей поддерживают необходимость действенных мер для решения проблемы изменения климата. Причем чаще всего люди высказывались за срочные меры. Уровень поддержки заметно выше среди тех, кто более информирован об этой проблеме. Большинство респондентов в 15 из 16 стран (2009 г.) назвали проблему климата приоритетной, даже если это вызовет замедление экономического роста и потерю некоторой части рабочих мест. С этим согласились в среднем 69 % респондентов и не согласились 26 %. Самое значительное большинство в поддержку ощутимых мер противодействия глобальному потеплению отмечалось в странах Западной

---

⁵ На сайте <http://worldpublicopinion.org> опубликован дайджест десятков опросов по экологической проблематике, проведенных в 2006–2010 гг. одновременно во многих странах различными агентствами, занимающимися изучением мирового общественного мнения [Council... 2011].

Европы: в Испании (91 %), Италии (86 %) и Франции (85 %). Готовы были поддержать срочные меры, даже несмотря на возможные издержки, в Китае (70 %) и США (59 %).

Особенно важно согласие большинства респондентов с тем, что ради сокращения эмиссии парниковых газов необходимо *менять стиль жизни и поведения*. По данным одного из упомянутых выше опросов (2007 г., 21 страна), такое мнение поддержали 83 %, в том числе 46 % сказали, что это «определенно необходимо», и 37 % – «вероятно необходимо». Среди стран, где такие мнения оказались преобладающими, Испания (68 %), Мексика (64 %), Канада (63 %), Италия (62 %) и... Китай (59 %). Но в опросе 2010 г. – следует ли согласиться с повышением цен на энергию ради борьбы с глобальным потеплением – мнения разделились: в среднем 46 % в 22 странах с этим согласились и 46 % не согласились.

В массовом сознании все больше утверждается понимание необходимости развития и использования альтернативных источников энергии как конкретной меры противодействия глобальному потеплению. При опросе в 27 странах Европейского союза (2010) 57 % назвали идею увеличения доли возобновляемых источников энергии к 2020 г. «правильной», а еще 16 % сочли этот показатель «слишком скромным». В ходе одного из международных опросов (2008 г., 21 страна) в пользу альтернативных источников высказалось 77 % респондентов, причем 69 % (в 19 странах из 21) – даже в том случае, если это могло бы привести к удорожанию энергии в краткосрочной перспективе. (Лишь в России мнение в поддержку альтернативных источников не получило четкого большинства.) Две трети участников этого опроса (66 %) согласились, что переход к альтернативным источникам и удорожание энергии не причинят ущерба экономике в долгосрочном плане.

Может создаться впечатление, что приведенные выше данные преувеличивают степень зрелости массового экологического сознания. Такое предположение не совсем безосновательно: в подобных опросах всегда присутствует некий психологический зазор: настрой респондентов на преобладающие в их среде и в это время мнения и/или готовность дать тот ответ, который, как им представляется, от них ожидают. Поправка на это необходима. Но главное здесь в другом: *в несовпадении вербальных суждений и реального поведения людей*, поскольку оно определяется не только (а часто и не столько) субъективными мнениями, сколько объективными обстоятельствами – логикой рыночных отношений, культом потребления в богатых странах [Ильин 2016]⁶ и низким уровнем жизни в бедных государствах.

На протяжении столетий отношение западного человека к природе определялось уверенностью в неисчерпаемости природных ресурсов. Рационалистический экономизм европейцев вырос из религиозных корней западного христианства, из представления о человеке как «венце творения», его санкционированного свыше предназначения «обладать» природой, использовать ее в своих интересах, как источник средств существования и богатства. Восточные религии (буддизм, индуизм, даосизм и др.) породили иной тип культуры – глубокое почитание природы,

⁶ По мнению этого автора, «культура потребления нейтрализует экологическое сознание» (Там же: 147). Правильнее, думается, говорить о *столкновении* экологического сознания и феномена потребления.

ощущение единства и взаимозависимости всего живого, органической взаимосвязи человека и природы [Иоселиани 2012; 2014]. Но здесь, в Азии, природа оказалась заложником демографии и нищеты.

Формирование экологического сознания возможно лишь в противостоянии давлению рыночной стихии, продуцирующей и навязывающей – особенно посредством вездесущей и агрессивной рекламы – все новые потребительские запросы престижного свойства («вы этого достойны!»), часто иррациональные и нередко опасные для здоровья и психики людей. С этой точки зрения следует проводить различие между *пассивным* (вербальным) экологическим сознанием и *активным*, то есть деятельным, транслируемым в экологически ориентированное поведение (соблюдение экологических норм и правил, сбережение ресурсов), в непосредственное участие в волонтерских акциях (например, очистка территорий от загрязнений и т. п.) и в деятельности экологических организаций.

Появление приверженцев изменения образа жизни стало заметным на Западе в период становления феномена консюмеризма и культа вещизма. Как установили специалисты Стэнфордского исследовательского института (США), в 1976 г. примерно 5–6 млн американцев придерживались установки на самоограничение в потреблении и более простой образ жизни и еще 8–10 млн разделяли эти взгляды [Henderson 1978: 29; Brown 1981: 355]. Первые составляли, таким образом, примерно 3–4 % взрослого населения, вторые – 5–6 %. В то же время в ходе одного опроса 82 % американцев согласились с мнением: «Большинство из нас покупает и потребляет значительно больше, чем нам нужно, это расточительность» [цит. по: Henderson 1996: 124]. Разительный контраст в соотношении активных и пассивных носителей экологического сознания!

Позднее американский социолог Пол Рей на основе многолетних исследований пришел к выводу о появлении нового культурного типа, который он определил как «новаторов в культуре» (Cultural Creatives). Это, отмечал П. Рей, люди, придерживающиеся философии самоограничения в потреблении и более простого образа жизни; лучше других сознающие, что экономический рост не может быть бесконечным; что потребительская модель несовместима с экологической устойчивостью; что надо менять способ хозяйствования и образ жизни, чтобы сберечь природную среду, жить в согласии с природой [Ray 2003: 39–41]. Такие люди воспринимают экологические риски уже не только как внешние угрозы, но и как фактор внутренней мотивации поведения.

В Италии, по данным того же источника, этот культурный тип представлен примерно 35 % населения (2006 г.). Аналогичные данные получены по ряду других стран Западной Европы – здесь общая численность Cultural Creatives оценивалась к концу нулевых в 80–90 млн человек. Предполагается, что в Японии и Канаде сходная ситуация. Речь идет о людях, многие из которых в 60-е и в последующие годы были участниками новых социальных движений того времени, так называемых «движений совести» – антивоенных, за гражданские права, студенческих, женских, в защиту окружающей среды, за социальную справедливость, право на труд, а также активистов волонтерской, благотворительной деятельности.

Насколько достоверны эти данные? Они не могут, конечно, претендовать на абсолютную точность. Но в их пользу говорит то, что они получены на основе большого массива опросов, в том числе глубоких интервью, а также фактов, свидетельствующих о распространении в западных странах экологических движений

и практик – в поддержку более строгих экологических норм и «зеленых» инициатив, крупных проектов по внедрению альтернативных источников энергии, их использования в строительстве, градостроительной практике, в развитии общественного транспорта и т. п.

Хотя бизнес-сообщество не является большим энтузиастом экологических ограничений, многие его представители разделяют озабоченность ухудшением состояния окружающей среды и глобальным изменением климата. Носители новой ценностной парадигмы становятся не только политической, но и экономической силой в том смысле, что оказывают влияние на поведение рынка, побуждая многих производителей переключаться на «чистые» технологии, на производство экологически чистых продуктов, ужесточать требования к экологической безопасности (к чему их побуждает и законодательство). Сформировался особый сегмент рынка, ориентированный на потребителей, отдающих предпочтение экологическим ценностям.

* * *

«Экологизация» общественного сознания вызвала активную ответную реакцию *несогласия и отрицания*. Причин тому много: это и заурядный бытовой консерватизм – неготовность принять нечто новое; и обывательская беспечность (зачем беспокоиться – со временем люди что-нибудь придумают); и экологическое невежество; и эгоистические соображения – как бы инвестиции в экологию не повредили росту производства, не подорвали основ потребительского общества; и опасения бизнеса, настороженно воспринимающего возможность роста налогов в связи с ужесточением экологических норм; и узкие профессиональные интересы части экспертов, не вписавшихся по тем или иным причинам в мейнстрим международных экологических исследований.

Часть ученых продолжает считать, что роль антропогенного фактора преувеличивается, что пока нет достаточных доказательств серьезности угроз, и поэтому с принятием предлагаемых мер не следует торопиться. Но надо понимать: речь идет об *инерционных* процессах, последствия которых в полной мере скажутся через десятилетия. И когда появятся предполагаемые «окончательные» данные (на самом деле они уже есть!), то слишком поздно будет что-то предпринимать. Поэтому в любом случае сохраняет свое значение *принцип предосторожности*. Он требует исходить из вероятности худшего варианта. В ситуации неопределенности алармизм, в котором часто упрекают защитников окружающей среды, предпочтительней самоуспокоенности.

Понимание серьезности ситуации и необходимости действовать все больше проникает в *мировую политику*. Пионерскую роль в продвижении практических мер взял на себя в свое время Европейский союз, поддержав еще в 2007 г. предложение Германии в одностороннем порядке сократить к 2020 г. выбросы парниковых газов на 20 % и одновременно добиться увеличения до 20 % доли возобновляемых источников энергии в общем балансе. С приходом Б. Обамы в Белый дом изменилась и позиция США: решение экологических проблем заняло одно из первых мест во внутренней политике; одновременно США стали активно содействовать борьбе с глобальным потеплением на международном уровне, внося существенный вклад в успех Парижской конференции по климату (2015 г.).

Не приходится удивляться тому, что между странами мира существуют разительные контрасты с точки зрения *эффективности экологической политики*. Представление о масштабах различий дает разрабатываемый Центром экологического права и политики при Йельском университете (США) индекс экологической эффективности (EPI – Environmental Performance Index) [Hsu *et al.* 2016]. Индексом 2016 г. охвачены 180 стран, по которым можно было получить достоверные и проверяемые данные, касающиеся самых приоритетных направлений экологической политики, а именно: загрязнение воздуха, качество воды и санитарии, климат и энергетика, состояние лесов, рыбные ресурсы, биоразнообразие и пр.⁷ Ранжирование стран по уровню достижений в этой области демонстрирует значительный разрыв между лучшими и худшими результатами. Самые высокие показатели EPI у стран Западной Европы (особенно Скандинавских) и Северной Америки (более 80 баллов). На первом месте Финляндия (90,68 балла), за ней следуют Исландия, Швеция, Дания, Словения, то есть небольшие европейские страны.

Понятно, что промышленно развитые страны имеют больше возможностей, чтобы продвигаться в этом направлении, чем страны бедные, с низкими показателями ВВП. Худшие показатели – у большинства государств Африки. Среди замыкающих общий список находятся страны Африки южнее Сахары – Сомали (27,66 балла), Эритрея (36,73), Мадагаскар (37,1), Нигер (37,48), Чад (37,83). Тем не менее многие бедные страны тоже реализуют какие-то экологические проекты, по большей части при международной поддержке – со стороны ООН, других организаций и частных фондов. Но как ни важны те или иные достижения некоторых государств, в целом экологическая ситуация в мире продолжает ухудшаться. Пока одни прилагают усилия для защиты окружающей среды, другие своим равнодушием, беспечностью, а порой и преступными действиями продолжают наносить ей неприемлемый вред.

Разительные контрасты в показателях экологической эффективности при более или менее сходных географических и экономических условиях указывают на особую роль здесь внутривнутриполитической и геополитической обстановки, качества управления, инвестиционной политики, выбора приоритетов. Очень низкий, низкий или нижний средний уровень эффективности экологической политики в большинстве стран мира позволяет также судить о том, как велика еще дистанция, отделяющая мировое сообщество от достижения целей устойчивого развития.

* * *

В России концепция устойчивого развития встретила неоднозначное отношение. У кого-то она вызвала подозрения в том, что служит прежде всего интересам Запада и противоречит российским национальным интересам. Под флагом заботы о сохранении окружающей среды, заявляли критики, России пытаются навязать

---

⁷ Соответствующие индикаторы основаны на лучших экспертных оценках, данных ООН и других организаций, специализирующихся в данной области. Использовалась методология «близости к целевой установке» (proximity to target), то есть насколько показатель ближе к целевым установкам, соответствующим пороговым значениям, определяемым международными соглашениями, национальными программами или признанными научными критериями. Полученные показатели в баллах конвертировались в шкалу от 0 до 100, где 0 соответствует показателю, дальше всего отстоящему от цели, а 100 – ближе всего к желаемой цели. Каждый индикатор взвешен с точки зрения надежности и релевантности.

обязательства, которые ограничат ее экономическое развитие. Или даже преследуется цель добиться сокращения в несколько раз российского населения. Некоторые комментаторы, подхватывая эти абсурдные домыслы, заявляли, что требования и цели устойчивого развития служат всего лишь орудием экспансии ТНК, идеологическим прикрытием этой экспансии.

Если на Западе, несмотря на увлечение неолиберальной рыночной догмой, тема защиты окружающей среды все больше смещалась в центр публичного дискурса и публичной политики, то в России процесс развернулся в обратном направлении. Кратковременный подъем «зеленого» движения в годы перестройки (после Чернобыля!) сменился его упадком, вынужденным переходом экологических организаций в режим выживания [Яницкий 2002: 80]. Не без участия представителей власти, крупного бизнеса и средств массовой информации деятельность экологов стали воспринимать как препятствие для экономического роста, а их самих – как чуть ли не «агентов влияния» Запада.

Ученым-экологам стали приписывать создание «хорошо оплаченных» заказных «страшилок» (прямо называя таковыми изменение климата, истощение озонового слоя, инфекционные пандемии), намеренное развязывание «апокалиптической истерии». Говорили об экофобии как «болезни», присущей российской интеллигенции, об «экологическом рэжете», даже об «экологическом терроризме». Намекали на «огромные бабки», будто бы получаемые защитниками окружающей среды. За этими инвективами явно или неявно проступал меркантильный мотив: «нам» экологические ограничения «невыгодны», они нам «не по карману» и т. п.

Особенно показательно обострение антиэкологического синдрома в связи с феноменом глобального потепления. Первой реакцией было: если для кого-то это и угроза, то для России «шанс», поскольку будто бы открывается возможность повышения продуктивности сельского хозяйства, уменьшения энергоемкости производства и жизнеобеспечения, особенно в северных и восточных районах страны. Поэтому России всемирная борьба с глобальным потеплением не нужна. А «искусственно подогреваемое» возмущение общественности преследует своей целью «освоение средств», выделяемых на борьбу с «мнимыми проблемами» [Никонов 2007].

Процесс *деэкологизации* распространился и на массовое сознание. Если, согласно опросам, в 1990 г. (после Чернобыльской катастрофы!) озабоченность состоянием окружающей среды стояла на первом месте («очень беспокоит» – 63,9 %, «беспокоит» – 22,9 %), то к 1994 г. другие заботы оттеснили ее на четвертое («очень беспокоит» – 47,7 %, «беспокоит» – 40,1 %) [Лапин и др. 1996: 16], а затем отодвинули еще дальше. Летом 1998 г. состояние окружающей среды назвали самой беспокоящей проблемой лишь 14 % респондентов, а в общем списке озабоченности эта проблема оказалась на одном из последних мест [Попов 1998: 8].

Данная ситуация сохранилась и в дальнейшем. В мае 2016 г. опрос дал такие результаты: «очень сильно тревожит» качество окружающей среды (в районе своего проживания) 17 % респондентов, «скорее тревожит» – 49 %. Оценивают его как «очень плохое» 17 %, как «скорее плохое, чем хорошее» – 39 %. Показательны ответы на вопрос о том, что больше всего тревожит в отношении качества окружающей среды. Если отнести ответы к общему количеству опрошенных (источник приводит данные только в отношении тех, кого тревожит состояние окру-

жающей среды), то картина получается следующая: обеспокоены загрязнением воздуха 34,3 %, загрязнением питьевой воды – 32,3 %, вредными веществами в пищевых продуктах – 25,3 %, изменением климата – 13,9 %, исчезновением лесов – 9,2 %, повышенным уровнем радиации – 7,3 %, кислотными дождями – 7,3 %, сокращением биоразнообразия – 6,6 % (в Москве, других городах и в сельской местности эти цифры несколько отличаются в ту или другую сторону) [Левада-Центр 2016]. То есть люди больше обеспокоены тем, что затрагивает их лично и непосредственно, но уровень обеспокоенности снижается по мере перехода к ответам на более общие для всех экологические угрозы.

Сходные результаты показал опрос ВЦИОМ, проводившийся ранее [Экологическая... 2013]. Большинство респондентов (59 %), характеризуя ситуацию в стране в целом, склонилось к мнению: «Есть отдельные экологические проблемы». Примерно четверть опрошенных оценила ситуацию как близкую к катастрофической (26 %). Критичнее остальных были жители столиц и более образованные респонденты. В качестве наибольшей опасности для окружающей среды большинство назвало бытовые и промышленные отходы (58 и 49 %) и транспорт (50 %). При этом 44 % респондентов констатировали ухудшение ситуации, особенно с качеством воздуха и воды, тогда как улучшение отметили не более 11 %.

При этом большинство опрошенных отмечают, что власти уделяют экологии слишком мало внимания. Чего больше всего ожидают граждане от государства? Согласно упомянутому опросу ВЦИОМ, ликвидации свалок бытовых и промышленных отходов, организации переработки мусора (78 %), сокращения промышленных выбросов (56 %), восстановления лесов (56 %), улучшения качества питьевой воды и состояния водоемов (53 %). Что касается личного участия в улучшении экологической ситуации, то респонденты ВЦИОМа чаще заявляли о готовности выполнять действия, которые не требовали бы от них значительных личных усилий и смены потребительских стандартов. Данные соцопросов указывают на явный дефицит экологической культуры в России [Громов].

Феномен деэкологизации, затронувший как верхи, так и низы, во многом объясняется переходным состоянием российского общества: системный поворот выдвинул на первый план другие проблемы, на фоне которых экологические отступили назад. Определенное значение имеет и распространенная в России иллюзия неисчерпаемости природных ресурсов, и наличие незатронутых или слабозатронутых на 65 % территории страны естественных экосистем, особенно лесных массивов, что, как считается, дает России преимущество перед другими странами с точки зрения глобальных экологических вызовов.

Общественно-политическая обстановка не стимулировала власть к проведению активной экологической политики. Нормативные документы по вопросам экологической политики продолжали разрабатываться и приниматься, но к практическому решению проблем экологической модернизации долго не приступали. Что-то на разных уровнях (федеральном, региональном, местном), конечно, делалось, но экологическая ситуация продолжала ухудшаться. Инвестиции в основной капитал, направляемые на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, были крайне малы, выделялись неравномерно, их доля по отношению к ВВП за 2000–2012 гг. сократилась с 0,3 до менее 0,2 %⁸.

⁸ Подсчитано по данным: Российский... 2013: табл. 1.1, с. 32; табл. 3.17, с. 71.

В рейтинге стран по эффективности экологической политики Россия с 32 места в 2006 г. опустилась на 106 место в 2012 г. Столь сильный сдвиг объясняется, возможно, изменениями в методике измерений, но факт в том, что в нулевые годы страна ухудшила почти все экологические показатели (кроме выбросов в атмосферу диоксида серы) и попала в самый конец списка стран с отрицательной динамикой в развитии экологической ситуации, после Саудовской Аравии и Кувейта [Индекс...].

* * *

Лишь в последние годы появились значимые признаки намерения властей вернуть в политику принципы устойчивого развития и на деле заняться вопросами экологической модернизации. Экология включена в перечень приоритетных федеральных нацпроектов. Побудили к этому, очевидно, все более явные угрожающие последствия климатических изменений, а также мировое общественное мнение и необходимость занять более определенную позицию в связи с активизацией международных усилий по решению глобальных экологических проблем.

В 2012 г. президент В. В. Путин утвердил новый программный документ – «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года». При Администрации президента была образована Межведомственная группа по вопросам, связанным с изменением климата и обеспечением устойчивого развития (таково ее официальное название). Результатом обсуждений в этой группе стал ряд важных решений, касающихся участия России в международных мероприятиях по смягчению последствий изменений климата и адаптации к ним. В частности, в сентябре 2013 г. указом президента В. В. Путина была определена внутренняя национальная цель – сокращение объема выбросов парниковых газов к 2020 г. на 25 % относительно уровня 1990 г.

Активизировалось Минприроды, которое с 2013 г. инициировало ряд экологических программ. При Министерстве создан Федеральный экологический совет (декабрь 2014 г.), утверждены новые экологические стандарты. Намечены меры по стимулированию внедрения наилучших доступных технологий, необходимых для продвижения экологической модернизации. Минприроды приступило к подготовке справочников по наилучшим технологиям. На базе справочников должны быть подготовлены планы по модернизации 160 предприятий в 26 отраслях народного хозяйства. Речь идет о предприятиях, на которые приходится до 60 % загрязнений, в том числе таких, как «Норильский никель», Магнитогорский металлургический комбинат, предприятия цветной металлургии в Красноярске и др.

Решение давно назревшей задачи перехода на современные экологические стандарты означало бы пусть и скромный, но все же шаг вперед в направлении реализации принципов устойчивого развития. Хотя Россия отстает в этом отношении от промышленно развитых стран Запада, у нее есть и определенные преимущества. В 1990-е гг. вследствие упадка промышленного производства антропогенные выбросы в атмосферу заметно сократились, а в первом десятилетии XXI в. возвращение к экономическому росту было достигнуто без их заметного увеличения. Тем не менее сохранение тенденции снижения выбросов в будущем требует дополнительных мер по стимулированию перехода к низкоэмиссионной «зеленой» экономике.

2017 г. объявлен в России *Годом экологии*. Речь идет о том, чтобы положить начало формированию новой экологической культуры. Кое-что в этом направлении уже делается. Учреждена Всероссийская премия «Экологическое развитие – Evolution Awards», которая присуждается российским компаниям, а также частным лицам за лучшие решения в области «зеленых» технологий и практические достижения в области экологических аспектов устойчивого развития. Под девизом «Зеленая экономика – основа устойчивого развития» в России впервые прошла выставка-форум «Экотех» – российский аналог международных выставок, посвященных инновациям в сфере природоохранных технологий. Средства массовой информации стали уделять больше внимания экологическим проблемам. С важной, хотя и запоздалой инициативой выступил ОНФ – принять закон о создании зеленых поясов вокруг крупных городов.

Но велика и инерция сопротивления. Хотя правительство России официально одобрило Парижское соглашение по климату (в церемонии его подписания в Нью-Йорке 22 апреля 2016 г. принял участие вице-премьер А. Г. Хлопонин), отношение к нему остается неоднозначным. Минприроды разработало проект комплексных мер по реализации Парижского соглашения, но оно сразу же натолкнулось на сомнения и возражения. Российский союз промышленников и предпринимателей выразил озабоченность последствиями реализации этого соглашения для экономического развития России. Минэнерго, со своей стороны, высказало опасения за судьбу угледобывающей промышленности. Против углеродного регулирования выступил Фонд национальной энергетической безопасности, продолжающий настаивать на том, что антропогенная природа глобального потепления якобы не доказана. Такая позиция некоторых влиятельных кругов может затруднить предстоящий процесс ратификации Парижского соглашения в России.

Россия обладает уникальным потенциалом для продвижения к устойчивому экологическому развитию [Лосев 2001]. Пока он еще мало задействован, хотя в рейтинге экологической эффективности 2016 г. страна вновь поднялась на 32 место – возможно, не только или не столько в результате усилий властей, сколько вследствие экономического спада, а также очередных изменений в методике расчетов. Проблемы экологии, устойчивого развития не занимают того места в системе образования, в средствах массовой информации, которого они заслуживают. Многие зависят от политической системы, от готовности власти отнестись к реализации целей устойчивого развития как к важнейшей стратегической задаче, а также от продвижения в этом направлении других стран и, конечно, от международной обстановки.

* * *

Остроконфликтное состояние международных отношений тоже не благоприятствует решению вытекающих из концепции устойчивого развития конкретных задач. В то же время сложившаяся ситуация побуждает к более широкой трактовке этой идеи, поскольку и условия перехода к устойчивому развитию, и само его содержание связаны с преодолением крайностей глобального неравенства, с более справедливым распределением богатства и доступа к ресурсам, с поиском конструктивных решений проблем международной безопасности. Пренебрежение общечеловеческой солидарностью оборачивается угрозами для всех.

Представление о целенаправленном изменении типа социального развития может показаться неприемлемым в свете жестокого опыта «коммунистического строительства» в XX в. Но тут важно различать два противоположных по своей

сути подхода. Один – это максималистские утопии социальной гармонии и всеобщего счастья, ведущие к тоталитаризму. Другой подход – прагматический, подразумевающий не проецирование в будущее некой «совершенной» модели общества, а *предотвращение* опасных тенденций и угроз в настоящем и, следовательно, контроль самого общества в отношении собственного развития во избежание неприемлемых разрушительных последствий.

Успех проекта устойчивого развития не предопределен. Никакие международные соглашения и программы, никакие правовые нормы сами по себе не изменят ситуации, если не произойдут такие трансформации в сознании и поведении большинства людей, которые изменят вектор цивилизационного развития. Будущее открыто, оно таит в себе возможность разных исходов, в том числе катастрофичных. Вопрос о перспективах устойчивого будущего человечества остается пока открытым.

Литература

В Сендае будет дан старт новым усилиям по устойчивому развитию // Центр новостей ООН. 2015. 23 ноября [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=23301#.WZWXMmfWiic> (дата обращения: 12.05.2016).

Вайцеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат – половина, отдача двойная. Новый доклад Римскому клубу. М. : Academia, 2000.

Вайцеккер Э., Харгроуз К., Смит М. и др. Фактор пять. Формула устойчивого роста: Доклад Римскому клубу. М. : АСТ-Пресс Книга, 2013.

Горшков В. Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М. : ВИНТИ, 1995.

Громов Е. В. Экологическое сознание человека в современной России [Электронный ресурс]. URL: www.egpu.ru/Lib/elib/Data/content/128278281051107194/Default.aspx (дата обращения: 15.04.2016).

Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М. : Прогресс-Традиция, 2000.

Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С., Рейф И. Е. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России. М. : ИНФРА-М, 1995.

Данилов-Данильян В. И., Залиханов М. Ч., Лосев К. С. Экологическая безопасность. Общие принципы и российский аспект. М. : Изд-во МНЭПУ, 2001.

Доклад о развитии человека 2007/2008. Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделенном мире. М. : Весь Мир, 2007.

Ильин А. Н. Кризис экологии и экологического сознания в обществе потребления // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 147–160.

Индекс экологической эффективности. Википедия: [сайт]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/индекс_экологической_эффективности.

Иоселиани А. Д. Генезис экологического сознания в христианской традиции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2012. № 1. С. 42–49.

Иоселиани А. Д. Экологическое сознание и религиозные ценности в священных писаниях Востока // Философия и общество. 2014. № 3(75). С. 104–119.

Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию (Рио-де-Жанейро, Бразилия). 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://rio20.un.org/sites/rio20.un.org/files/a-conf.216-l-1_russian.pdf.

- Лапин Н. И., Беляева Л. А., Наумова Н. Ф., Здравомыслов А. Г. Динамика ценностей населения реформируемой России. М. : Эдиториал УРСС, 1996.
- Левада-Центр. Экологические проблемы. 2016. 3 июня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2016/06/03/ekologicheskie-problemy/print/> (дата обращения: 09.06.2016).
- Лосев К. С. Экологические проблемы и перспективы устойчивого развития России в XXI веке. М. : Космосинформ, 2001.
- Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999.
- Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. М., 1989.
- Никонов А. История от замороженных в контексте глобального потепления. М. : ЭНАС, 2007.
- Попов Н. П. По разные стороны // Независимая газета. 1998. 6 августа.
- Порфирьев Б., Макарова Е. Экономическая оценка ущерба от природных бедствий и катастроф // Вестник Российской Академии наук. 2014. Т. 84. № 12. С. 1059–1068.
- Российский статистический ежегодник. 2013. М. : Росстат.
- Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / под ред. А. С. Гранберга, В. И. Данилова-Данильяна, М. М. Циканова, Е. С. Шонхоева. М. : Экономика, 2002.
- Экологическая ситуация в России: вызовы и приоритеты. Опрос ВЦИОМ. Опубликовано 19 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/ditaily.php?ID=132085> (дата обращения: 15.04.2016).
- Яницкий О. Н. Россия: Экологический вызов (общественное движение, наука, политика). Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002.
- Brown L. R. Building a Sustainable Society: A Worldwatch Institute Book. New York, NY; London, 1981.
- Council on Foreign Relations. Public Opinion on Global Issues. Chapter 5a: World Opinion on the Environment. November 30. 2011.
- Hsu A. *et al.* Environmental Performance Index. New Haven, CT : Yale University. 2016. P. 27 [Электронный ресурс]. URL: www.epi.yale.edu (дата обращения: 20.03.2016).
- Henderson H. Creating Alternative Futures. Berkeley, 1978.
- Henderson H. Building a Win-Win World: Life Beyond Global Economic Warfare. San Francisco : Berret-Koehler Publisher, 1996.
- Laszlo E. The Choice: Evolution or Extinction? Los Angeles, 1994.
- Milbrath L. W. Envisioning a Sustainable Society. Albany, 1989.
- Publics around the World Call for Greater Efforts to Address Climate Change [Электронный ресурс]. URL: http://worldpublicopinion.org/incl/printable_version.php?pnt=694 (дата обращения: 25.06.2016).
- Ray P. H. The New Political Compass. 2003. Pp. 39–41 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wisdomuniversity.org/NewPoliticalCompass.pdf>.